

БОРИС ПАСТЕРНАК — ТЕМЫ И ВАРЬЯЦИИ

Эта книга отпечатана в январе 1923 года
в типографии Lutze & Vogt, С. м. в Н.
для книгоиздательства „Геликон“

БОРИС ПАСТЕРНАК

ТЕМЫ И ВАРЬЯЦИИ

ЧЕТВЕРТАЯ
КНИГА СТИХОВ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГЕЛИКОН“

 / БЕРЛИН

1 9 2 3

*First edition by "Gelikon,"
Moscow-Berlin, 1923*

*Facsimile edition by
Ardis
Ann Arbor, 1972*

ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ

ПЯТЬ ПОВЕСТЕЙ

ВДОХНОВЕНЬЕ

По заборам бегут амбразуры,
Образуются бреши в стене,
Когда ночь оглашается фурой
Повестей, неизвестных весне.

Без клещей приближенье фургона
Вырывает из ниш костыли
Только гулом свершенных прогонов,
Подымающих пыль издали.

Этот грохот им слышен впервые.
Завтра, завтра понять я вам дам,
Как рвались из ворот мостовые,
Вылетая по жарким следам,

Как в росистую хвойную скорбкость
Скипидарной, как утро, струи
Погружали постройки свой корпус
И лицо окунал конвоир.

О, теперь и от лип не в секрете:
Город пуст по зарям оттого,
Что последний из смертных в карете
Под стихом и при нем часовой.

В то же утро, ушам не поверя,
Протереть не успевши очей,
Сколько бедных истерзанных перьев
Рвется к окнам из рук рифмачей!

1921

ВСТРЕЧА

Вода рвалась из труб, из луночек
Из луж, с заборов, с ветра, с кровель,
С шестого часа пополуночи,
С четвертого и со второго.

На тротуарахъ было скользко,
И ветер воду рвал, как вретище,
И можно было до Подольска
Добраться, никого не встретивши.

В шестом часу, куском ландшафта
С внезапно подсыревшей лестницы,
Как рухнет в воду, да как треснется
Усталое: „Итак, до завтра“!

Автоматического блока
Терзанья дальше начинались,
Где в предвкушеньи водостоков
Восток шаманил машинально.

Дремала даль, рядясь неряшливо
Над ледяной окрошкой в иней
И вскрикивала и покашливала
За пьяной мартовской ботвиньей.

И мартовская ночь и автор
Шли рядом и обоих спорящих
Холодная рука ландшафта
Вела домой, вела со сборища.

И мартовская ночь и автор
Шли шибко, вглядываясь изредка
В мелькавшего как-бы взаправду
И вдруг скрывавшегося призрака.

То был рассвет. И амфитеатром,
Явившимся на зов предвестницы
Неслось к обоим это завтра,
Произнесенное на лестнице.

Оно с багетом шло, 'как рамошник.
Деревья, здания и храмы
Нездешними казались, тамошними,
В провале недоступной рамы.

Они трех'ярусным гекзамером
Смещались вправо по квадрату.
Смещенных выносили замертво,
Никто не замечал утраты.

1921

3

МАРГАРИТА

Разрывая кусты на себе как силок,
Маргаритиных стиснутых губ лиловей,
Горячей, чем глазной Маргаритин белок,
Бился, шелкал, царил и сиял соловей.

Он как запах от трав исходил. Он как ртуть
Очумелых дождей меж черемух висел.
Он кору одурял. Задыхаясь, ко рту
Подступал. Оставался висеть на косе.

И когда изумленной рукой проводя
По глазам, Маргарита влеклась к серебру,
То казалось, под каской ветвей и дождя,
Повалилась без сил амазонка в бору.

И затылок с рукою в руке у него,
А другую назад заломила, где лег,
Где застрял, где повис ее шлем теневой,
Разрывая кусты на себе, как силок.

1919

МЕФИСТОФЕЛЬ

Из массы пыли за заставы
По воскресеньям высыпали,
Меж тем как дома не застав их,
Ломились ливни в окна спален.

Велось у всех, чтоб за обедом
Хотя-б на третье дождь был подан,
Меж тем как вихрь — велосипедом
Летал по комнатным комодам.

Меж тем как там до потолков их
Взлетали шелковые сторы,
Расталкивали бестолковых
Пруды, природа и просторы.

Длиннейшим поездом линеек
Позднее стягивались к валу,
Где тень, пугавшая коней их
Ежевечерне оживала.

В чулках как кровь, при паре бантов,
По залитой зарей дороге,
Упав, как лямки с барабана,
Пылили дьяволы ноги.

Казалось, захлестав из низкой
Листвы струей высокомерья,
Снесла-б весь мир надменность диска
И терпит только эти перья.

Считая ехавших, как вежи,
Едва прикладываясь к шляпе,
Он шел, откидываясь в смехе,
Шагал, приятеля облапя.

ШЕКСПИР

Извозничий двор и встающий из вод
В уступах — преступный и пасмурный Тауер,
И звонкость подков и простуженный звон
Вестминстера, глыбы, закутанной в траур.

И тесные улицы; стены, как хмель,
Копящие сырость в разросшихся бревнах,
Угрюмых, как копоть и бражных, как эль,
Как Лондон холодных, как поступь неровных.

Спиралями, мешкотно падает снег.
Уже запирали, когда он, обрюзгший,
Как сползший набрюшник, пошел в полусне
Валить, засыпая уснувшую пустошь.

Оконце и зерна лиловой слюды
В свинцовых ободьях. — „Смотря по погоде.
„А впрочем, — а впрочем, соснем на свободе.
„А впрочем — на бочку! Цырюльник воды!“

И бреясь, гогочет, держась за бока,
Словам остряка, не уставшего с пира
Цедить сквозь приросший мундштук чубука
Убийственный вздор.

А меж тем у Шекспира
Остричь пропадает охота. — Сонет,
Написанный ночью с огнем, без помарок
За тем вон столом, где подкисший ранет
Ныряет, обнявшись с клешнею омара,
Сонет говорит ему.

„Я признаю
„Способности ваши, но, гений и мастер,
„Сдается-ль, как вам, и тому, на краю
„Боченка, с намыленной мордой, что мастью
„Весь в молнию я, то есть выше по касте,
„Чем люди, — короче, — что я обдаю
„Огнем, как на нюх мой, зловоньем ваш кнастер?

„Простите, отец мой, за мой скептицизм
„Сыновний, но сер, но милорд, мы — в трактире.
„Что мне в вашем круге? Что ваши пенцы
„Пред плещущей чернью? Мне хочется шири!

„Прочтите вот этому. Сер, почему-ж?
„Во имя всех гильдий и биллей! Пять ярдов —
„И вы с ним в бильярдной, и там — не пойму
„Чем вам не успех популярность в бильярдной?“

— Ему?! Ты взбесился? — И кличет слугу,
И нервно играя малаговой веткой,
Считает: полпинты, французский рагу, —
И — в дверь, запустя в привиденье салфеткой.

ТЕМА С ВАРЬЯЦИЯМИ

Т Е М А

Скала и шторм. Скала, и плащ, и шляпа.
Скала и — Пушкин. Тот, кто и сейчас
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: — не домыслы втупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспою, пустыней
И больше ничего. — Скала и шторм.

В осатаненьи льющееся пиво
С усов обрывов, мысов, скал и кос,
Мелей и миль. И гул, и полыханье
Окаченной луной, как из лохани,
Пучины. Шум и чад и шторм взасос.
Светло как днем. Их освещает пена.
От этой точки глаз нельзя отвлечь.
Прибой на сфинкса не жалеет свеч
И заменяет свежими мгновенно.

Скала и шторм. Скала, и плащ, и шляпа.
На сфинксовых губах — соленый вкус
Туманностей. Песок кругом заляпан
Сырыми поцелуями медуз.

Он чешуи не знает на сиренах,
И может-ли поверить в рыбий хвост
Тот, кто хоть раз с их чашечек коленных
Пил бившийся как об лед отблеск звезд?

Скала и шторм и — скрытый ото всех
Нескромных — самый странный, самый тихий
Играющий с эпохи Псамметиха
Углами скул пустыни детский смех. —

.

ВАРЬЯЦИИ

1

ОРИГИНАЛЬНАЯ

Над шабашем скал, к которым
Сбегаются, с пеной у рта,
Чадя, трапезундские штормы,
Когда якорям и портам

И выбросам волн и разбухшим
Утопленникам и седым
Мосткам набивается в уши
Клокастый и пильзенский дым,

Где ввысь от утеса подброшен
Фонтан, и кого-то позвать
Срываются гребни, но — тошно
И страшно, и — рвется фосфат,

Где белое бешенство петель,
Где грохот разостланных гроз,
Как пиво, как жеванный бетель
Песок осушает взасос,

Что было наследием кафров?
Что дал царскосельский лицей?
Два бога прощались до завтра,
Два моря менялись в лице:

Стихия свободной стихии
С свободной стихией стиха.
Два дня в двух мирах, два ландшафта,
Две древняя драмы с двух сцен.

ПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн.
Был бешен шквал. Песком сгущенный,
Кровавился багровый вал.
Такой же гнев обуревал
Его, и чем-то возмущенный
Он злобу на себе срывал.

В его устах звучало „завтра“,
Как на устах иных „вчера“.
Еще не бывших дней жара
Воображалась в мыслях кафру,
Еще невыпавший туман
Густые целовал ресницы.
Он окунал в него страницы
Своей мечты. Его роман
Вставал из мглы, которой климат
Не в силах дать, которой зной

Прогнать не может никакой,
Которой ветры не подымут
И не рассеют никогда
Ни утро мая, ни страда.
Был дик открывшийся с обрыва
Бескрайний вид. Где огибал
Купальню гребень белогривый,
Где смерч на воле погибал,
В последний миг еще качаясь,
Трубя и в отклике отчаясь,
Борясь, чтоб захлебнуться в миг
И сгинуть вовсе с глаз. Был дик
Открывшийся с обрыва сектор
Земного шара, и дика
Необоримая рука,
Пролившая соленый нектар
В пространство слепнувших снастей,
На протяженье дней и дней,
В сырые сумерки крушений,
На милость черных вечеров...

На редкость дик, на восхищенье
Был вольный этот вид суров.

Он стал спускаться. Дикий чашник
Гремел ковшом, и через край
Бежала пена. Молочай,
Полынь и дрок за набалдашник
Цеплялись, затрудняя шаг,
И вихрь степной свистел в ушах.

И вот уж бережек, пузырясь,
Заколыхал камыш и ирис
И набежала рябь с концов.
Но неподернуто свинцов
Посередине мрак лиловый.
А рябь! Как будто рыболова
Свинцовый грузик заскользил,
Осунулся и лег на ил
С непереимчивой ужимкой,
С какою пальцу самолов
Умеет намекнуть без слов:
Вода, мол, вот и вся поимка.

Он сел на камень. Ни одна
Черта не выдала волнения,
С каким он погрузился в чтение
Евангелья морского дна.

Последней раковине дорог
Сердечный шелест, капля сна,
Которой мука солонна
Ее сковавшая. Из створок
Не вызвать и клинкомъ ножа
Того, чем боль любви свежа.
Того счастливившего всхлипа,
Что хлынул вон и создал риф,
Кораллам губы обагрив,
И замер на устах полипа.

Мчались звезды. В море мылись мысы.
Слепла соль. И слезы высыхали.
Были темны спальни. Мчались мысли
И прислушивался сфинкс к Сахаре.

Плыли свечи. И, казалось, стынет
Кровь колосса. Заплывали губы
Голубой улыбкою пустыни.
В час отлива ночь пошла на убыль.

Море тронул ветерок с Марокко.
Шел самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик „Пророка“
Просыхал, и брежжил день на Ганге.

Облако. Звезды. И сбоку —
Шлях и — Алеко. — Глубок
Месяц Земфирина ока:
Жаркий бездонный белокъ.

Задраны к небу оглобли.
Лбы голубее олив.
Табор глядит исподлобья,
В звезды мониста вперив.

Это ведь кровли Халдеи
Напоминает! Печет,
Лунно; а кровь холодеет.
Ревность? — Но ревность не в счет!

Стой! Ты похож на сирийца.
Сух, как скопец-звездочет.
Мысль озарилась убийством.
Мщенье? Но мщенье не в счет!

Тень, как навязчивый евнух.
Табор покрыло плечо.
Яд? Но по кодексу гневных
Самоубийство не в счет!

Прянул и пыхнули ноздри.
Не уходился еще?
Тише, скакун, — заподозрят.
Бегство? Но бегство не в счет!

Цыганских красок достигал,
Болея цынгой и тайн не делал
Из черных дырок тростника
В краю воров и виноделов.

Забором крался конокрад,
Загаром крылся виноград,
Клевали кисти воробьи,
Кивали безрукавки чучел,
Но шорох гроздий перебив,
Какой-то рокот мер и мучил.

Там мрело море. Берега
Гремели, осыпался гравий,
Тошнило гребни изрыгать,
Барашки грязные играли.

И шквал за Шабо бушевал,
И выворачивал причалы.
В рассоле крепла бечева,
И шторма тошнота крепчала.

Раскатывался балкой гул,
Как баней шваркнутая шайка,
Как будто говорил Кагул
В ночах с Очаковскою чайкой.

В степи охладевал закат,
И вслушивался в звон уздечек,
В акцент звонков и языка
Мечтательный, какъ ночь, кузнечик.

И степь, порою, с прохвала
Волок, как цепь, как что-то третье,
Как выпавшее удила,
Стреноженный и сонный ветер.

Истлела тряпок пестрота,
И захладев, как медь безмена,
Завел глаза, чтоб стрекотать,
И засинел, уже безмерный,
Уже, как песнь, безбрежный юг,
Чтоб перед этой песнью дух
Нивестъ каких ночей, нивестъ
Каких стоянок перевестъ.

Мгновенье длился этот миг,
Но он и вечность бы затмил.

1918.

БОЛЕЗНЬ

1

Больной следит. Шесть дней подряд
Смерчи беснуются без усталы,
По кровле катятся, бодрят,
Бушуют, падают в бесчувствии.

Средь вьюг проходит Рождество.
Он видит сон: пришли и подняли.
Он вскакивает: „Не его-ль“?
(Был зов. Был звон). Не новогодний-ли?

Вдали, в Кремле гудит Иван,
Плывет, ныряет, зарывается.
Он спит. Пурга, как океан
В величьи — тихой называется.

С полу, звездами облитого
К месяцу, вдоль по ограде
Тянется волос ракитовый,
Дыбятся клочья и пряди.

Жутко ведь, вея окутывать
Дымами Кассиопею!
На утро куколкой тутовой
Церковь свернуться успеет.

Что это? Лавры ли Киева
Спят купола, или Эдду
Север взлелеял и выявил
Перлом предвечного бреда?

Так это было. Тогда-то я
Дикий, скользящий, растущий
Встал среди сада рогатого
Призраком тени пастушьей.

Был он как лось. До колен ему
Снег доходил, и сквозь ветви
Виделась взору оленьему
На полночь легшая четверть.

Замер загадкой, как вкопанный,
Глядя на поле лепное:
В звездную стужу, как сноп оно
Белой плескало копною.

До снегу гнулся. Подхватывал
С полу, весь мукой извилин
Звезды и ночь. У сохатого
Хаос веков был неспилен.

3

Может статься так, может иначе,
Но в несчастный некий час
Духовенств душей, черней иночеств
Постигает безумье нас.

Стужа. Ночь в окне, как приличие,
Соблюдает холод льда.
В шубе, в креслах Дух и мурлычет и
Все одно, одно всегда.

И чекан сука, и щека его
И паркет, и тень кочерги
Отливают сном и раскаяньем
Сутки сплошь грешившей пурги.

Ночь тиха. Ясна и морозна ночь,
Как слепой щенок — молоко,
Всею темью пихт неосознанной
Пьет сиянье звезд частокол.

Будто каплет с пихт. Будто теплятся,
Будто воском ночь запыла.
Лапой ели на ели слепнет снег,
На дупле — силуэт дупла.

Будто эта тишь, будто эта высь,
Элегизм телеграфной волны
— Ожиданье, сменившее крик: отзовись
Или эхо другой тишины.

Будто нем он, взгляд этих игл и ветвей
А другой, в высотах, — тугоух,
И сверканье пути на раскатах ответ
На взывавшее чье-то ау.

Стужа. Ночь в окне, как приличие
Соблюдает холод льда.
В шубе, в креслах Дух и мурлычет, и
Все одно, одно всегда.

Губы, губы! Он стиснул их до крови,
Он трясется, лицо обхватив,
Вихрь догадок родит в биографе
Этот мертвый, как мел, мотив.

ГОЛОС ДУШИ

Все в шкапу раскинь,
И все теплое
Собери, — в куски
Рвут вопли его.

Прочь, не трать труда
Держишь, — вытащу,
Разорвешь — беда-ль
— Станет ниток сшить.

Человек! Не страх?
Делать нечего.
Я — душа. Во прахь
Опрометчивый!

Мне ли прок в тесьме
Мне ли в платице
Человек, ты смел?
Так поплатишься!

Поражу глаза
Дикой мыслью я —
— Это я сказал!
— Нет, мои слова.

Головой твоей
Ваших выше я
Не бывавшая
И не бывшая.

ФУФАЙКА БОЛЬНОГО

От тела отдельную жизнь, и — длинней
Ведет, как к груди непричастный пингвин,
Бескрылая кофта больного, — фланель:
То каплю тепла ей, то лампу придвинь.

Ей помнятся лыжи. От дуг и от тел,
Терявшихся в мраке, от сбруи, от бар
Валило! Казалось — сочельник потел!
Скрипели, дышали езда и ходьба.

Усадьба и ужас, пустой в остальном:
Шкафы с хрусталем, и ковры, и лари.
Заборъ привлекало, что дом воспален.
Снаружи казалось у люстр плеврит.

Снедаемый небом, с зимою в очах,
Распухший кустарник был бел, как испуг.
Из кухни, за сани, пылавший очаг
Клал на снег огромные руки стряпух.

6

КРЕМЛЬ В БУРАН КОНЦА 1918 ГОДА

Как брошенный с пути снегам
Последней станцией в развалинах,
Как полем в полночь, в свист и гам,
Бредущий через силу в валяных,

Как пред концом, в упаде сил
С тоски взывающий к метелице,
Чтоб вихрь души не угасил,
Как тьмой последней все застелется,

Как схваченный за обшлага
Хохочущею вьюгой нарочный,
Ловящей кисти башлыка,
Здороваящуюся в наручных,

А иногда! — А иногда,
Как пригнанный канатом накороть
Корабль, с гуденьем, прочь к грядам
Срывающийся чудом с якоря,

Последней ночью, несравним
Ни с чем, какой-то странный, пенный весь
Он, Кремль, в оснастке стольких зим,
На нынешней срывает ненависть. —

И грандиозный, весь в былом,
Как визионера дивинация,
Несется, грозный, напролом,
Сквозь неистекший в девятнадцатый.

Под сумерки к тебе в окно
Он всею медью звонниц ломится,
Боишься, видно, — год мелькнет, —
Упустит и не познакомится.

Остаток дней, остаток вьюг,
Сужденных башням в восемнадцатом,
Бушует, прядает вокруг,
Видать — не наигрались насыто.

За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого
Ненаступивший этот год
Возьмется сызнава воспитывать.

ЯНВАРЬ 1919 ГОДА

Тот год! Как часто у окна
Нашептывал мне, старый, — выкинься.
А этот, новый, все прогнал
Рождественскою сказкой Диккенса.

Вот, шепчет мне: „Забудь, встряхнись!“
И с солнцем в градуснике тянется
Точь в точь, как тот дарил стрихнин,
И падал в пузырек с цианистым.

Его зарей, его рукой
Ленивым веяньем волос его
Почерпнут за окном покой
У птиц, у крыш, как у философов.

Ведь он пришел и лег лучом
С панелей, с снеговой повинности,
Он дерзок и разгорячен
Он просит пить, шумит, не вынести.

Он вне себя. Он внес с собой
Дворовый шум и — делать нечего:
На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не вылечивал.

Мне в сумерки ты все — пансионеркою,
 Все — школьницей. Зима. Закат лесничим
 В лесу часов. Лежу и жду, чтоб смерклося,
 И вот — айда! Аукаемся, кличем.

А ночь, а ночь! Да это-ж ад, дом ужасов!
 Проведай ты, тебя-б сюда пригнало!
 Она — твой шаг, твой брак, твое замужество,
 И тяжелей дознаний трибунала.

Ты помнишь жизнь? Ты помнишь, стаяй
горлинок

Летели хлопья грудью против гула,
 Их вихрь крутил, кутя, валясь прожорливо
 С лотков на снег, их до панелей гнуло!

Перебегала ты! — Ведь он подсовывал
 Ковром под нас салазки и кристаллы!
 Ведь жизнь, как кровь, до облака пунцового
 Пожаром вьюги, озарясь, хлестала!

Движенье помнишь? Помнишь время?
Лавочниц?
Палатки? Давку? За разменом денег
Холодных, звонких, — помнишь, помнишь
давешних
Колоколов предпраздничных гуденье?

Увы, любовь! Да, это надо высказать!
Чем заменить тебя? Жирами? Бромом?
Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса,
Гляжу, страшась бессоницы огромной.

Мне в сумерки ты будто все с экзамена,
Все — с выпуска. Чижи, мигрень, учебник.
Но по ночам! Как просят пить, как пламенны
Глаза капсуль и пузырьков лечебных!

1918—1919

Р А З Р Ы В

1

О ангел залгавшийся, сразу бы, сразу-б,
И я-б опоил тебя чистой печалью!
Но так — я не смею, но так — зуб за зуб!
О скорбь зараженная ложью в начале,
О горе, о горе в проказе!

О ангел залгавшийся, — нет, не смертельно
Страданье, что сердце, что сердце в экземе!
Но что же ты душу болезнью нательной
Даришь на прощанье? Зачем же бесцельно
Целуешь, как капли дождя, и как время,
Смеясь, убиваешь за всех, перед всеми!

О стыд, ты в тягость мне! О совесть, в этом
раннем
Разрыве столько грез, настойчивых еще!
Когда бы человек, — я был пустым собраньем
Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек!

Тогда-б по свисту строф, по крику их, по
знаку,
По крепости тоски, по юности ее
Я-б уступил им всем, я-б их повел в атаку,
Я-б штурмовал тебя, позорище мое!

От тебя все мысли отвлеку
Не в гостях, не за вином, так на небе.
У хозяев, рядом, по звонку
Отопрут кому-нибудь когда-нибудь.

Вырвусь к ним, к бряцанью декабря.
Только дверь — и вот я! — Корридор один.
„Вы оттуда? Что там говорят?
Что слышать? Какие сплетни в городе?

Ошибается ль еще тоска?
Шепчет ли потом: „Казалось, — вылитая“
Приготовясь футов с сорока
Разлететься восклицаньем: „Вы ли это?“

Пощадят ли площади меня?
Ах когда-б вы знали, как тоскуется,
Когда вас раз сто в течение дня
На ходу на сходствах ловит улица!

Разочаровалась? Ты думала, — в мире нам
 Расстаться за реквиемом лебединым?
 В расчете на горе, зрачками расширенными
 В слезах, примеряла их непобедимость?

На мессе-б со сводов посыпалась стенопись,
 Потрясшись игрой на губах Себастьяна,
 Но с нынешней ночи во всем моя ненависть
 Растянутасть видит, и жаль, что хлыста нет.

— Впотьмах, моментально опомнясь, без
медлящего
 Раздумья, решила, что все перепашет.
 Что — время. Что самоубийство ей не для
чего,
 Что даже и это есть шаг черепаший.

Мой друг, мой нежный, о точь-в-точь, как
 ночью, в перелете с Бергена на полюс,
 Валящим снегом с ног гагар сносимый

жаркий пух,

Клянусь, о нежный мой, клянусь, я не

неволюсь!

Когда я говорю тебе — забудь, усни,

мой друг,

Когда, как труп затертого до самых труб

норвежца,

В виденьи зим, не движущих заиндевелых

мачт,

Ношусь в сполохах глаз твоих шутливым

— спи, утешься,

До свадьбы заживет, мой друг, угомонись,

не плачь.

Когда совсем как север вне последних
поселений,
Украдкой от арктических и неусыпных льдин,
Полночным куполом полощущий глаза слепых
тюленей,
Я говорю — не три их, спи, забудь: все
вздор один.

Мой стол не столь широк, чтоб грудью всею
 Налечь на борт, и локоть завести
 За край тоски, за этот перешеек
 Сквозь столько верст прорытого прости.

— Сейчас там ночь — за душный твой
затылок,
 — И спать легли, — под царства плеч твоих
 — И тушат свет, — я-б утром возвратил их,
 Крыльцо-б коснулось сонной ветвью их.

Не хлопьями! Руками крой! — Достанет!
 О десять пальцев муки, с бороздой
 Крещенских звезд, как знаков опоздания
 В пургу на север шедших поездов!

Рояль дрожащий пену с губ оближет.
 Тебя сорвет, подкосит этот бред,
 Ты скажешь, — милый! — Нет, вскричу я,
— нет!
 При музыке?! — Но можно ли быть ближе,
 Чем в полутьме, аккорды, как дневник,
 Меча в камин комплектами, по-годно?
 О пониманье дивное, кивни,
 Кивни, и изумишься! — ты свободна.

Я не держу. Иди, благотвори.
 Ступай к другим. Уже написан Вертер,
 А в наши дни и воздух пахнет смертью:
 Открыть окно, что жилы отворить.

1918

Я ИХ МОГ ПОЗАБЫТЬ

КЛЕВЕТНИКАМ

О детство! Ковш душевной глуби!
О всех лесов абориген,
Корнями вросший в самолюбье,
Мой вдохновитель, мой регент!

Что слез по стеклам усыхало!
Что сохло ос и чайных роз!
Как часто угасавший хаос
Багровым папортником рос!

Что вдавленных сухих костяшек,
Помешанных клавиатур,
Бродячих, черных и грустящих,
Готовят месть за клевету!

Правдоподобье бед клеветет,
— Соседство богачей.
Хозяйство за дверьми клеветет,
— Веселый звон ключей.

Рукопожатые лжи клеветет,
— Манишек аромат,
— Изящество дареной вещи, —
Клеветет хиромант.

Ничтожность возрастов клеветет.
О, юные, — а нас?
О, левые, — а нас, левейших, —
Румянясь и юнясь?

О солнце, слышишь? „Выручь денег“.
Сосна, нам снится? „Напрягись“.
О, жизнь, нам имя вырождение,
Тебе и смыслу вопреки.

Дункан седых догадок — помощь!
О смута сонмищ в отпусках,
О Боже, Боже, может вспомнишь,
Почем нас людям отпускал?

1917

Я их мог позабыть? Про родню, —
 — Про моря? Приласкаться к плацкарте?
 И за оргию чувств — в западню?
 С ураганом — к ордалиям партий?

За окошко, в купе, к погребцу?
 Где-то слезть? Что-то снять? Поселиться?
 Я горжусь этой мукой. — Рубцуй!
 По когтям узнаю тебя, львица.

Про родню — про моря. Про абсурд
 Прозябанья — подобного каре.
 Так не мстят каторжанам. — Рубцуй!
 О не вы, это я — пролетарий!

Это правда. Я пал. О, секи!
 Я упал в самомнении зверя.
 Я унизил себя до неверья.
 Я унизил тебя до тоски.

1917

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут, — а слова
Являются о третьем годе.

Так начинают понимать.
И в шуме пущеной турбины
Мерещится, что мать — не мать,
Что ты — не ты, что дом — чужбина.

Что делать страшной красоте
Подсевшей у скамьи сирени,
Когда и впрямь не красть детей?
Так возникают подозренья.

Так зреют страхи. Как он даст
Звезде превысить досяганье,
Когда он — Фауст, когда — фантаст?
Так начинаются цыгане.

Так открываются, паря
Поверх плетней, где быть домам бы,
Внезапные, как вздох, моря.
Так будут начинаться ямбы.

Так ночи летние, ничком
Упав в овсы с мольбой: исполнись!
Грозят заре твоим зрачком,
Так затевают ссоры с солнцем.

Так начинают жить стихом.

1921

Нас мало. Нас может быть трое
Донецких, горючих и адских
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве.

Мы были людьми. Мы эпохи.
Нас сбило, и мчит в караване,
Как тундру под тендера вздохи
И поршней и шпал порыванье.
Слетимся, ворвемся и тронем
Закружимся вихрем вороньим,

И — мимо! — Вы поздно поймете.
Так, утром ударивши в ворох
Соломы — с момент на намете, —
Ветр вечен затем в разговорах
Идущего бурно собранья
Деревьев над кровельной дранью.

1921

Косых картин, летящих ливня
С шоссе, задувшего свечу,
С крюков и стен срывать к рифме
И падать в такт не отучу.

Что в том, что на вселенной — маска?
Что в том, что нет таких широт,
Которым на зиму замазкой
Зажать не вызвались бы рот?

Но вещи рвут с себя личину,
Теряют власть, роняют честь,
Когда у них есть петля причина,
Когда для ливня повод есть.

1922

НЕСКУЧНЫЙ САД

НЕСКУЧНЫЙ

Как всякий факт на всяком бланке,
Так все дознанья хороши
О вакханалиях изнанки
Нескучного любой души.

Он тоже—сад. В нем тоже—скучен
Набор уставших цвести пород.
Он тоже, как и сад, — Нескучен
От набережной до ворот.

И окуная парк за старой
Беседкою в заглохший пруд,
Похож и он на тень гитары,
С которой, тешась, струны рвут.

Как там, и тут немало мест есть,
Где вечер дожидался нас,
И был прохладен и развесист,
Как разрешенный диссонанс.

1917

Достатком, а там и пирами
И мебелью стиля Жакоб
Иссушат, убьют темперамент,
Гудевший, как ветвь жуком.

Он сыплет искры с зубьев,
Когда, сгребя их в ком,
Ты бесов самолюбья
Терзаешь гребешком.

В осанке твоей: „С кой стати?“,
Любовь, а в губах у тебя
Насмешливое: „Оставьте,
Вы хуже малых ребят“.

О свежесть, о капля смарагда
В упившихся ливнем кистях,
О сонный начес беспорядка,
О дивный, божий пустяк!

1917

ОРЕШНИК

Орешник тебя отрешает от дня
И мшистые солнца ложатся с опушки
То решкой на плотное тленье пня,
То мутно зеленым орлом на лягушку.

Кусты обгоняют тебя, и пока
С родимою чащей сроднишься с отвычки,
— Они уж безбрежны: — ряды кругляка
И роща редее, и птичка, — как гичка,

И песня, — как пена, и — наперерез,
Лазурь забирая, нырком, душегубкой
И — мимо... И долго безмолвствует лес,
Следя с облаков за пронесшейся шляпкой.

О место свиданья малины с грозой,
Где в тучи рогами лишайника тычась,
Горят, одуряя наш мозг молодой,
Лиловые топи угасших язычеств!

1917

В Л Е С У

Луга мутило жаром лиловатым,
В лесу клубился кафедральный мрак.
Что оставалось в мире целовать им?
Он весь был их, как воск на пальцах мяк.

Есть сон такой, — не спишь, а только снится,
Что жаждешь сна; что дремлет человек,
Которому сквозь сон палит ресницы
Два черных солнца, бьющих из-под век.

Текли лучи. Текли жуки с отливом,
Стекло стрекоз сновало по щекам.
Был полон лес мерцаньем кропотливым,
Как под щипцами у часовщика.

Казалось, он уснул под стук цыфири,
Меж тем, как выше, в терпком янтаре,
Испытаннейшие часы в эфире,
Переставляют, сверив по жару.

Их переводят, сотрясают иглы,
И сеют тень, и мают, и сверлят
Мачтовый мрак, который ввысь воздвигло,
В истому дня, на синий циферблат.

Казалось, древность счастья облетает.
Казалось, лес закатом снов об'ят.
Счастливые часов не наблюдают,
Но те, вдвоем, казалось, только спят.

1917

СПАССКОЕ

Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском,
Не сегодня ли с дачи с'езжать вам пора?
За плетнем перекликнулось эхо с подпаском
И в лесу различило удар топора.

Этой ночью за парком знобило трясину.
Только солнце взошло, и опять — наутек,
Колокольчик не пьет костоломных росинок,
На березах несмытый лиловый отек.

Лес хандрит. И ему захотелось на отдых,
Под снега, в непробудную спячку берлог.
Да и то, меж стволов, в почерневших обводах,
Парк зияет в столбцах, как сплошной некролог.

Березняк перестал ли линять и пятнаться,
Водянистую сень потуплять и редеть?
Этот — ропщет еще, и опять вам — пятнадцать,
И опять, о дитя, о куда нам их деть?

Их так много уже, что не все-ж — куралесить.
Их, что птиц по кустам, что грибов за межой.
Ими свой кругозор уж случилось завесить,
Их туманом случилось застлать и чужой.

В ночь кончины, от тифа сгорающий комик
Слышит гул: гомерический хохоть райка.
Нынче в Спасском, с дороги, бревенчатый домик
Видит, галлюцинируя, та же тоска.

1918

ДА БУДЕТ

Рассвет расколыхнет свечу,
Зажжет и пустит в цель стрижа,
Напоминанием влечу:
Да будет так же жизнь свежа!

Заря, как выстрѣл в темноту,
Бабах! — и тухнет налету
Пожар ружейного пыжа.
Да будет так же жизнь свежа.

Еще снаружи — ветерок,
Что ночью жался к нам, дрожа, —
Зарей шел дождь, и он продрог.
Да будет так же жизнь свежа.

Он поразительно смешон!
Зачем совался в сторожа?
Он видел, — вход не разрешен.
Да будет так же жизнь свежа.

Повелевай, пока на взмах
Платка, — пока ты госпожа —
Пока — покамест мы впотьмах,
Покамест не угас пожар.

1919

ЗИМНЕЕ УТРО (ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ)

Воздух седенькими складками падает.
Снег припоминает мельком, мельком:
Спатки — называлось, шопотом и патокою
День позападал за колыбельку.

Выйдешь и мурашки разбегаются и ежится
Кожица, бывало, — сумки, дети, —
Улица в бесшумные складки лóжится
Серой рыболовной сети.

Все, бывало, складывают: сказку о лисице,
Рыбу пошвырявшей с возу,
Дерево, сарай, и варежки, и спицы,
— Зимний изумленный воздух.

А потом поздней, под чижином, пред цветиками,
Не сложеньем что-ли с воли,
Дуло и мело, не ей, не арифметикой-ли
Подирало столик в школе?

Зуб, бывало, ноет: мажут его, лечут его,
В докторском глазу-ж — безумье
Сумок и снежков, линованное, клетчатое
С сонными каракулями в сумме.

Та же нынче сказка, зимняя, Мурлыкина,
На бегу шурша метелью по газете,
За барашек грив и троттуаров выкинулась
Серой рыболовной сетью.

Ватная, примерзлая и байковая, фортковая
Та же жуть берез бесгнездых
Гарусную ночь чем свет за чаем свертывает, —
Зимний изумленный воздух.

1918

Как не в своем рассудке,
Как дети ослушанья,
Облизываясь, сутки
Шутя мы осушали.

Иной, не отрываясь
От судорог страницы
До утренних трамваев,
Грозил заре допиться.

Раскидывая хлопко
Снежок, бывало, чижик
Шумит: какую пробкой
Такую рожу выжег?

И день вставал, оплеснясь,
В помойной жаркой яме,
В кругах пожарных лестниц,
Ушибленный дровами.

1919

Я не знаю, что тошней:
Рушащийся лист с конюшни
Или то, что все в кашне,
Все в снегу, и все в минувшем.

Что, пентюх, головотяп,
Там меж листьев, меж домов там
Машет галкою октябрь
По каракулевым кофтам.

Треск ветвей — ни дать ни взять
Сушек с запахом рогожи,
Не растряс бы вихрь — связать,
Упадут, стуча, похоже.

Упадут в морозный прах,
Ах, похоже, спозаранок
Вихрь берется трясть впотьмах
Тминной вязкою баранок.

1919

Ну и надо-ж было, тужась,
Каркнуть и взлететь в хаос,
Чтоб сложить октябрьский ужас
Парой крыльев на киоск.

И поднять содом со шпилей
Над живой рекой голов,
Где и ты, вуаль зашпилив,
Шляпку ловко заколов,

Где и ты, моя забота,
Котик лайкой застегнув,
Темной рысью в серых ботах
Машешь муфтой в море муфт.

1919

Между прочим, все вы, чтицы,
Лгать охотницы, а лгать
— У оконницы учиться,
Вот и вся вам недолга.

Тоже блещет, как баллада,
Дивной влагой; тоже льет
Слезы; теже мечет взгляды
Мимо, — словом, тот же лед.

Тоже, вне правдоподобья,
Ширит, рвет ее зрачок,
Птичью церковь на сугробе,
Отдаленный конский чок.

И Чайковский на афише
Патетично, как и вас,
Может потрясти, и к крыше,
В вихорь театральных касс.

1919

ВЕСНА
(ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ)

Весна, я — с улицы, где тополь — удивлен,
Где даль — пугается, где дом — упасть боится,
Где воздух — синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Где вечер — пуст, как прерванный рассказ,
Оставленный звездой без продолженья
К недоумению тысяч шумных глаз,
Бездонных и лишенных выраженья.

1918

Пара форточных петелек,
Февраля отголоски,
Пить, пока не заметили,
Пить вискам и прическе!

Гул ворвался, как шомпол.
О, холодный, сначала бы!
Бурный другъ мой, о чем бы?
Воздух воли и — жалобы?!

Что за смысл в этом пойле?
Боже, кем это мелятся,
Языком ли, душой ли,
Этот плеск, эти прелести?

Кто ты, март? — Закипал же
Даже лед, и обуглятся,
Раскатясь, экипажи
По свихнувшейся улице!

Научи, как ворочать
Языком, чтоб растрогались,
Как тобой этой ночью
Эти дрожки и щеголи.

1919

Воздух дождиком частым сечется,
Поседев, шелудивеет лед.
Ждешь: вот-вот горизонт и очнется
И — начнется. И гул пойдет.

Как всегда, расстегнув нараспашку
Пальтецо и кашне на груди,
Пред собою погонит неспавших
Очумелых птиц впереди.

Он зайдет и к тебе и, развинчен,
Станет свечный натек колупать
И зевнет и припомнит, что нынче
Можно снять с гиацинтов колпак.

И шальной, шевелюру ероша,
В замешательстве смысл темня,
Ошарашит тебя нехорошей
Глупой сказкой своей про меня.

1918

Закрой глаза. В наиглушайшем органе
На тридцать верст забывшихся пространств
Стоят в парах и каплют храп и хорканье
Смех, лепет, плач, беспомыслие и транс.

Им, как и мне, не в мочь с весною свыкнуться.
— Не в первый раз стараюсь, — не привык
Сейчас по чащам мне и этим мыканцам
Подносит чашу дыма паровик.

Давно-ль под сенью орденских капитулов
Служивших в полном облачении хвой,
Мирынин март украдкою пропитывал
Тропинки парка терпкой синевою?

Его грехи на мне под старость скажутся,
Бродивших верб откупоривши штоф,
Он уходил с утра под прутья саженцев,
В пруды с угаром тонущих кустов.

В вечерний час переставала двигаться
Жемчужных луж и речек акварель
И у дверей показывались выходцы
Из первых игр и первых букварей.

1921

Чирикали птицы и были искренни,
Сияло солнце на лаке карет,
С точильного камня не сыпались искры,
А — сыпались, — гасли, в лучах сгорев.

В раскрытые окна на их рукоделье
Садилась, как голуби, облака.
Они замечали, — с воды похудели
Заборы — заметно, кресты — слегка.

Чирикали птицы. Из школы на улицу,
На тумбы ложилось, хлынув волной,
Немолчное пенье и щелканье шпуплек,
Мелькали косички и цокал челнок.

Не сыпались искры, а — сыпались, — гасли.
Был день расточителен; над школой свежей
Неслись облака, и точильщик был счастлив,
Что столько на свете у женщин ножей.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ
(ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ)

Крупный разговоръ. Еще не запирали
Вдруг, как : моментально вон отсюда !
— Сбитая прическа, туча препирательств,
И сплошной поток шопеновских этюдов.

Вряд-ли, геній, ты распределяешь кету
В белом доме против кооператива,
Что хвосты луны стоят до края света
Чередой ночных садов без перерыва.

1918

Все утро с девяти до двух
Из сада шел томящий дух
Озона, змей и розмарина,
И олеандры разморило.

Синеет белый мезонин
На мызе — сон, кругом — безлюдье,
Седой малинник, а за ним
Лиловый грунт его прелюдий.

Кому уженокъ прошипел?
Кому прощально машет розан?
Опять депешею Шопен
К балладе страждущей отозван.

Когда ее не излечить,
Все лето будет в дифтерите.
Сейчас-ли, черные ключи,
Иль позже кровь нам отворить ей?

Прикосновение руки, —
И пол-вселенной — в изоляции,
И там — плантации пылятся
И душно дышат табаки.

1918

Пьянисту понятно шнырянье ветошниц
С косыми крюками обвалов в плечах.
Одно прозябанье корзины и крошни
И крышки раскрытых роялей влачат.

По стройкам таскавшись с толпою тряпичниц
И клад этот где-то на свалках сыскавь,
Он вешает облако бури кирпичной,
Как робу на вешалку на лето в шкаф.

И тянется как за походною флягой,
Военную карту грозы расстелив,
К роялю, обычно обильному влагой
Огромного, душного лета столиц.

Когда, подоспевши совсем незаметно,
Сгорая от жажды, гроза четыремя
Прыжками бросается к бочкам с цементом,
Дрожащими лапами ливня гремя.

1921

Я вишу на пере у Творца
Крупной каплей лилового лоска.

Под домами — загадки канав.
Шибко воздух ли соткой и коксом
По вокзалам дышал и зажегся,
Но едва лишь зарю доканав,
Снова розова ночь, как она,
И забор поражен парадоксом.

И бормочет: прерви до утра
Этих сохлых белил колебанье,
Грунт убит и червив до нутра,
Эхо чутко, как шар в кегельбане.

Вешний ветер, шевьот и грязца,
И гвоздильных застав отголоски,
И на утренней терке торца
Отъ зари, как от хренной полоски
Проступают отчетливо слезки.

Я креплюсь на пере у Творца
Терпкой каплей густого свинца.

1922

Пей и пиши, непрерывным патрулем
Ламп керосиновых подкарауленный
С улиц, гуляющих под руку в июле
С кружкой пива тобою пригубленной.

Зеленоглазая жажда гигантов!
Тополь столы осыпает пикулями,
Шпанкой, шиповником — тише, не гамьте! —
Шепчут и шепчут пивца загогулины.

Бурная кружка с трехгорным Рембрандтом!
Спертость предгрозя тебя не испортила.
Ночью быть буре. Виденья, обратно!
Память, труби отступление к портерной!

Век мой безумный, когда образумлю
Темп потемнелый былого бездонного?
Глуби мазурских озер не разуют
В сон погруженных горнистов Самсонова.

После в Москве мотоцикл тараторил
Громкий до звезд, как второе пришествие.
Это был мор. Это был мораторий
Страшных судов, не с'езжавшихся к сессии.

1922

П О Э З И Я

Поэзия, я буду клясться
Тобой, и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты — лето с местом в третьем классе,
Ты — пригород, а не припев.

Ты — душная, как май, Ямская,
Шевардина ночной редут,
Где тучи стоны испускают
И врозь по роспуске идут.

И в рельсовом витье двояся,
— Предместье, а не перепев —
Ползут с вокзалов во свояси
Не с песней, а оторопев.

Отростки ливня грязнут в гроздьях
И долго, долго, до зари
Кропают с кровель свой акrostих,
Пуская в рифму пузыри.

Поэзия, когда под краномъ
Пустой, как цинк ведра, трюизм,
То и тогда струя сохранна,
Тетрадь подставлена, — струись!

1922

ДВА ПИСЬМА

Любимая, безотлагательно,
Не дав заре с пути расстаться,
Ответь чем свет с его Подателем
О ходе твоего процесса.

И если это только мыслимо,
Поторопи зарю, а — лень ей,
— Воспользуйся при этом высланным
Курьером умоисступленья.

Дождь верно первым выйдет из лесу
И выспросит, где тор, где топко,
Другой ему вдогонку вызвался
И это — под его диктовку.

Наверно бурю безрассудств его
Сдадут деревья в руки из рук,
Моя-ж рука давно отсутствует:
Под ней жилой кирпичный призрак.

Я не бывал на тех урочищах,
Она-ж ведет себя, как прадед,
И знаменьем сложась пророчащим,
Тот дом по голой кровле гладит.

1921

На днях, в тот миг, как в ворох корпии
Был дом под Костромой искромсан,
Удар того же грома копию
Мне свел с каких-то незнакомцев.

Он свел ее с их губ, с их лацканов,
С их туловищ и туалетов
В их лицах было что-то адское,
Их цвет был светло-фиолетов.

Он свел ее с их губ и лацканов,
С их блюдецек и физиономий,
Но сделав их на миг мулатскими,
Не сделал ни на миг знакомей.

В ту ночь я жил в Москве, и в частности
Не ждал известий от бесценной,
Когда порыв зарниц негаснувших
Прибил к стене мне эту сцену.

1921

О С Е Н Ь

(ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ)

С тех дней стал над недрами парка сдвигаться
Суровый, листву леденивший октябрь.
Зарями ковался конец навигации,
Спирало гортань и ломило в локтях.

Не стало туманов. Забыли про пасмурность.
Часами смеркалось. Сквозь все вечера
Открылся, в жару, в лихорадке и в насморкѣ
Больной горизонт — и дворы озирали.

И стынула кровь. Но, казалось, не стынут
Пруды, и — казалось, с последних погод
Не движутся дни, и казалось, — вынут
Из мира прозрачный, как звук, небосвод.

И стало видать так далеко, так трудно
Дышать, и так больно глядеть, и такой
Покой разлился, и настолько безлюдный,
Настолько беспмятно звонкий покой!

Потели стекла двери на балкон.
Их заслонял заметно-зимний фикус.
Сиял графин. — С недопитым глотком
Вставали вы, веселая на выказ —

— Смеркалась даль, — спокойная на вид —
— И дуло в щели, — праведница ликом, —
И день сгорал, давно остановив
Часы и кровь, в мучительно великом

Просторе долго, без конца горев
На остриях скворешниц и дерев,
В осколках тонких ледяных пластинок,
По пустырям, и на ковре в гостиной.

1916

Но и им суждено было выцвести,
И на лете — налет фиолетовый,
И у туч, громогласных до этого —
Фистула и надтреснутый присвист.

Облака над заплаканным флоксом
Обволакивав даль, перетрафили.
Цветники, как холодные кафли,
Город кашляет школой и коксом.

Редко брыжжет восток бирюзой,
Парников изразцы, словно в заморозки
Застывают, и ясен как мрамор
Воздух роцц, и как зов, беспризорен.

Я скажу до свиданья стихам, моя мания
Я назначил вам встречу со мною в романе.
Как всегда, далеки от пародий,
Мы парадом пройдем по природе, и — рядом.

1917

Весна была просто тобой,
И лето — с грехом пополам.
Но осень, но этот позор голубой
Обоев, — но войлок и хлам!

Разбитую клячу ведут на махан,
И ноздри с коротким дыханьем
Заслушались мокрой ромашки и мха
А то и конины в духане.

В прозрачность заплаканных дней целиком
Губами и глаз полыханьем
Впиваешься, как в помутнелый флакон
С невыдохшимися духами.

Не спорить, а спать. Не оспаривать,
А спать. Не распахивать наспех
Окна, где в беспмятных заревах
Июль, разгораясь как яспис,
Расплавливал стекла и спаривал
Тех самых пунцовых стрекоз,
Которые нынче на брачных
Брусах — мертвей и прозрачней
Осыпавшихся папирос.

Как в сумерки сонно и зябко
Окошко! Сухой купорос.
На доньшке склянки — козявка
И гильзы задохшихся ос.

Как с севера дует! Как щупло
Нахохлилась стужа! О, вихрь
Общупай все глуби и дупла,
Найди мою песню въ живых!

1917

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.
— Поздно, выплусь, чем свет перечту и пойму.
А пока не разбудят, любимую трогать
Так как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
Трогал так, как трагедией трогают зал.
Поцелуй был как лето. Он медлил и медлил,
Лишь потом разражалась гроза.

Пил как птицы. Тянул до потери сознания.
Звезды долго горлом текут в пищевод,
Соловьи же заводят глаза с содроганьем
Осушая по капле ночной небосвод.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ПЯТЬ ПОВЕСТЕЙ	
1. Вдохновенье	11
2. Встреча	13
3. Маргарита	16
4. Мефистофель	18
5. Шекспир	20
ТЕМА С ВАРЬЯЦИЯМИ	
Тема	25
Варьяции	
1. Оригинальная	27
2. Подражательная	29
3. Мчались звезды	33
4. Облако	34
5. Цыганских красок достигал	36
6. В степи охладевал закат	38
БОЛЕЗНЬ	
1. Больной следит	41
2. С полу звездами облитого	45
3. Может статься так, может иначе	44
4. Голос души	47
5. Фуфайка больного	49
6. Кремль в бурю конца 1918 года	50
7. Январь 1919 года.	53
8. Мне в сумерки ты все	55

РАЗРЫВ

1. О ангел залгавшийся	59
2. О стыд, ты в тягость мне	50
3. От тебя все мысли отвлеку	61
4. Помешай мне, попробуй	62
5. Заплети втот ливень	63
6. Разочаровалась	64
7. Мой друг, мой нежный	65
8. Мой стол не столь широк	67
9. Рояль дрожащий	68

Я ИХ МОГ ПОЗАБЫТЬ

1. Клеветникам	71
2. Я их мог позабыть	73
3. Так начинают	74
4. Нас мало	76
5. Косых картин, летящих ливня	78

НЕСКУЧНЫЙ САД

1. Нескучный	81
2. Достатком, а там и пирами	82
3. Орешник	83
4. В лесу	84
5. Спасское	86
6. Да будет	88
7. Зимнее утро	90
8. Как не в своем рассудке	92
9. Я не знаю, что тошней	93
10. Ну и надо-ж было, тужась	94
11. Между прочим, все вы чтицы	95

12. Весна	96
13. Пара форточных петелек	97
14. Воздух дождиком	99
15. Закрой глаза	100
16. Чирикали птицы	102
17. Сон в летнюю ночь	103
18. Все утро с девяти до двух	104
19. Пьянисту понятно	106
20. Я вишу на пере	107
21. Пей и пиши	109
22. Поэзия	111
23. Два письма	113
24. На днях, в тот миг	115
25. Осень	116
26. Потели стекла	117
27. Но и им суждено	118
28. Весна была	119
29. Здесь прошелся	122
О г л а в л е н и е	123

